

Хаотичный шум отхлынул, подобно приливу, оставив после себя удушающую мёртвую тишину. Янь Шэнли даже слышал тяжелые удары собственного сердца, каждый из которых словно пытался разломать ребра и вырваться из этого измученного тела. Однако эта тишина длилась недолго – в одно мгновение со всех сторон хлынули шумные людские голоса, подобно внезапному ливню, вновь наполнив весь мир.

Янь Шэнли резко открыл глаза.

Он больше не находился в том мрачном старом доме, а вместе с тем исчезли и тот странный ребенок, и ужасный оживший труп, словно утренняя роса, бесследно испарившись. Вместо этого перед ним оказалась оживленная длинная улица, вымощенная синим камнем. По обеим сторонам стояли многочисленные лавки, развевались вывески. Старик, продававший засахаренные фрукты, бил в медный гонг, сладкий аромат разносился повсюду; хозяйка лавки косметики с лукавой улыбкой зазывала проходящих девиц из богатых семей; дети, сжимая в руках только что купленные глиняные свистульки, бежали наперегонки, их пронзительные, но полные жизни трели то и дело слышались то тут, то там.

«Снова иллюзия?»

Прохожие обходили сидящего на земле человека, их взгляды скользили по его жалкому виду – любопытные, настороженные, даже с оттенком брезгливости.

— Мама, посмотри на того дядю, он такой страшный, – маленькая девочка с двумя косичками спряталась за спиной женщины, робко дергая ее за одежду.

— Не смотри, пошли быстрее! Должно быть, сумасшедший, не навлекай на себя несчастье, – женщина в панике закрыла дочке глаза и, взяв ее за руку, поспешила прочь.

Янь Шэнли опустил голову и посмотрел на себя, наконец поняв, чем вызвал такие взгляды. Белоснежно-изумрудные одежды были покрыты пылью и пятнами грязи, а их изначальный цвет был безвозвратно утрачен, в каких-то местах даже зияли дырки. Его лицо бледное, как бумага, а в глазах застыл еще не полностью рассеявшийся ужас. Засохшая в уголке губ темно-красная кровь делала его образ еще более свирепым. Этот жалкий вид сильно контрастировал с нарядной, радостной толпой вокруг.

Бессчетные оценивающие взгляды впивались в него, словно иглы. Янь Шэнли чувствовал себя ужасно неловко, будто его раздели догола и бросили на рынке на потеху люду. Он попытался подняться, но ноги, все еще скованные остатками страха, не слушались и дрожали.

Как раз в этот момент откуда-то сзади сквозь людской гомон ворвался торопливый крик:

— С дороги! Быстро посторонитесь!

Сердце Янь Шэнли пропустило удар. Он резко обернулся на крик. От увиденного по спине пробежала ледяная дрожь, а зрачки от ужаса сузились до точек. Прямо на него, не сбавляя хода, стремительным ветром летел вороной конь! Животное было необычайно статно и грациозно. Его грива, чернее пролитых чернил, развевалась на ветру темным огнем, а копыта, высекавшие из булыжника четкие искры, отбивали оглушительную дробь. Каждое движение коня было полно неуправляемого напора, будто готового растоптать все преграды на пути.

В голове Янь Шэнли образовалась пустота, и, движимый одним лишь инстинктом, он резко согнул спину, скрестил руки в замок, мертвой хваткой защищая затылок, и всем телом прижался к земле. Шероховатый камень с мелкими кристаллами песка тер щеку. Сквозь оглушительный стук собственного сердца он слышал, как приближается цокот копыт. Когда вороной конь был готов наступить на него, копыта резко взметнулись в воздух, собираясь перепрыгнуть через его тело! Сердце Янь Шэнли подпрыгнуло к горлу: он спасся

Массивное тело, словно черная туча, пролетело над его головой, заслоняя солнце. Вихрь со свистом пронесся у самого уха, ударив в нос специфическим лошадиным запахом. И как раз в этот миг, когда копыта были готовы коснуться земли, из косого угла метнулась тень. Это был черный кнут толщиной с запястье, с темным узором на поверхности, который, словно язык ядовитой змеи, точно опутал задние ноги животного. Раздался четкий металлический звон – железный наконечник кнута сначала ударился об камень, а затем глубоко вонзился в конскую шерсть. Всадник в черных одеждах стремительно среагировал.левой рукой он по-прежнему крепко обнимал мальчика, а правой резко уперся в седло и, используя падение коня, оттолкнулся. Черные одежды прочертили в воздухе четкую дугу, развевающиеся полы с легким шелестом подняли ветер, словно расправляющая крылья птица.

Вороной конь с грохотом ударился о синий камень рядом с Янь Шэнли, взметнув вокруг клубы пыли. Парень вздрогнул, ощутив сильную вибрацию от удара.

Молодой человек приземлился в четырех шагах от него. Его темная одежда обрисовывала стройную фигуру, подчеркивая его тонкую талию. Нижняя часть лица была скрыта тонкой, как крылья цикады, черной вуалью. Светло-карие глаза, острые, как у ястреба, хватающего зайца, сейчас пристально смотрели в направлении крыши, а затем быстро метнулись на испуганного ребенка в карнавальной маске.

— Идем! – крикнул он, уже потянув мальчика к переулку. Но ребенок внезапно вырвался из его рук, решительно отступая назад.

— Отпусти! Я не хочу с тобой идти! Я хочу найти маму!

Но не успел стихнуть крик протеста, как таинственный человек в черном оттолкнул мальчишку в сторону. Приложенная сила хоть и была небольшой, но безоговорочно решимой. Мальчик кое-как удержался на ногах и, пользуясь случаем, решил дать деру, но был остановлен взглядом, который бросил ему через плечо всадник.

Как и ожидалось, на крыше появились две серые тени. Они переглянулись и, недолго думая,

ловко спрыгнули вниз. Первый нападавший замахнулся цепным кнутом, и трехгранный наконечник на хвосте отлил холодным светом. Он без раздумий атаковал всадника. Кнут со свистом рассек воздух, готовый опутать лодыжку, но черная фигура резко присела, уперлась ладонью в землю и увернулась от удара. Черные одежды скользнули по земле, подняв мелкую пыль. В этом же движении из ножен у пояса вырвался короткий кинжал.

Вспышка холодной стали – и лезвие уже летело прямо в голень атакующего. Тот с раздраженным «Тц!» отдернул кнут, парируя удар. При столкновении высекались искры. Кинжал, отброшенный в сторону, описал в воздухе широкую дугу, рассек красную холщовую вывеску и вернулся в руку хозяина.

— Паршивец, хочешь сбежать с священным ребенком?!

Не теряя темпа, кнут снова взвился, на этот раз целясь в горло, но всадник ловко выполнил кувырок назад, устойчиво приземлившись в нескольких шагах от Янь Шэнли, все еще сидящего на земле.

— Справа! – инстинктивно крикнул Янь Шэнли, но тут же с характерным щелчком зуба об зуб захлопнул рот.

Кому он вообще помогает?! Кто это такие?!

Взгляд всадника метнулся в указанном направлении: второй противник, сложив руку в кулак, в котором меж пальцев были зажаты отравленные металлические иглы, двинулся с правой стороны к ребенку, явно не упуская шанса в суматохе похитить мальчишку.

— Не смей! – грозно крикнул таинственный человек в черном, и носком левой ноги поднял осколок камня, метнув его в лицо противника. Тот инстинктивно уклонился, но это была всего лишь ловушка. Всадник воспользовался моментом: приблизившись за несколько мгновений, его неумолимый кинжал вошел прямым между ребер в самое сердце врага.

В ту же секунду Янь Шэнли, без подсказок системы, которая почему-то все это время подозрительно молчала, инстинктивно рванул прочь. Едва он отполз на цунь, как с противным «дзинь» между его ног в камень вонзилась горсть отравленных игл – предсмертный подарок побежденного бойца. Кадык Янь Шэнли судорожно содрогнулся, он сглотнул слюну два раза подряд от напряжения. Будь он на полцуня ближе, его родовая линия наверняка бы прервалась! А он ведь еще так и ни разу... Но, подумав, что по сравнению с теми дурацкими заданиями системы, где приходится бороться с демонами и предотвращать крушение миров, такой риск кажется уже не таким страшным. В любом случае, даже если бы такое произошло, это бы не стало огромной проблемой по сравнению с другими размерами, которые ожидали смелого героя в будущем!

Пока мальчик рванул в сторону мраморной лестницы около здания, первый нападавший, видя провал замысла, выпустил из рукава черную сеть с крючьями. И, если бы ребенок запутался, то непременно бы содрал кожу с мясом. Но всадник, используя малейшую передышку, резко

развернулся, и его клинок точно перерезал веревки паутины.

Однако, как водится, беда не приходит одна. В этот момент противник обошел его сзади, и цепкий кнут с силой в тысячу цзиней обрушился на его незащищённую спину. Сдерживая подступающую к горлу сладковатую кровь, он не отшатнулся ни на шаг, лишь сплюнул кроваво-красную слюну на каменную плиту рыночной площади. Капли крови брызнули в ромбовидные щели между ними.

На площади по-прежнему царил шум и гам, словно никто вокруг и не видел всей этой потасовки. Звон медных колокольчиков, висевших на крючках у лавок, выкрики торговцев, смех и игры детей – все переплеталось воедино. Лишь мраморная лестница, к которой побежал мальчишка, излучала отторжение, совершенно не гармонируя с окружающей обстановкой. Она насчитывала двадцать ступеней, края каждой были сточены, но тем не менее оставались острыми, отсвечивая холодным блеском в лучах заката. На ее поверхности медленно проступали неглубокие темные узоры, напоминающие запутанную узорчатую ловушку душ. Вблизи можно было ощутить едва уловимое давление в воздухе.

— От одного удара уклонился, от второго не уйдешь! – злорадно усмехнулся мужчина, снова замахнувшись цепным кнутом, на этот раз обойдя всадника и направив оружие к мальчишке на вершине лестницы.

Ребенок и так дрожал от страха, а испугавшись еще сильнее и не удержавшись, поддавшись порыву ветра от кнута, поскользнулся и покатился вниз по лестнице. Янь Шэнли в это время, так удачно прятавшийся за прилавком с лапшой у лестницы, видя, что мальчик вот-вот упадет прямо к нему, инстинктивно протянул руки, чтобы подхватить. Это движение было чисто рефлекторным, но едва кончики его пальцев коснулись одежды ребенка, как мужчина другой рукой начертил в воздухе странную печать. Черная энергия мгновенно опутала ногу мальчика.

Янь Шэнли попытался ухватить ребенка за руку, но не успел, поймав только пустоту. Он посмотрел на мужчину, и, встретившись с ним взглядом, тот довольно усмехнулся.

— А теперь...

Но не успел мужчина договорить, как звонкий женский голос эхом прокатился по площади.

— А-Хун!

Цветочное благоухание внезапно забило в нос, женщина в красном, касаясь носками бамбуковых корзин продавщицы цветов, спустилась на землю, растоптав несколько рассыпанных лепестков, а затем в мгновение ока оказалась перед лестницей. Сконцентрированная в ее ладони черная энергия превратилась в подобие цветка дурмана, из которого образовались три отравленные иглы на кончиках ее пальцев.

Они, словно метеориты, полетели в спину мужчине, ее движения были так быстры, что Янь

Шэнли даже не успел проследить за траекторией игл. Но печать была завершена, мужчина обхватил мальчика за талию и, крепко прижав к себе, рухнул прямо в тень под лестницей. Там неизвестно когда образовалась щель шириной в чи, поглотившая обе фигуры в мгновение ока, и быстро сомкнувшись, оставив лишь несколько обугленных черной ци кусочков ткани одежды, мягко приземлившись на соломенную подставку старика, продающего тангулу¹.

¹Традиционная китайская закуска из фруктов или ягод, нанизанных на бамбуковую шпажку и покрытых затвердевшим сахарным сиропом.

Женщина застыла около лестницы. Цветок на ее ладони рассеялся, как и нежность в ее глазах-фениксах, мгновенно сменившись свирепостью. Она медленно повернулась, и когда ее взгляд скользнул по всаднику в черном, вокруг нее образовался целый рой золотисто-черных бабочек. Рядом стоявший продавец, лепивший фигурки из теста, вздрогнул, и только что сделанная фигура с глухим стуком упала и ударилась об синий камень.

— Это ты! - она указала на всадника, гневно выкрикивая: — Если бы не ты, разве А-Хуна похитили бы?!

Тем временем Янь Шэнли не знал, куда себя деть. Скорее всего, если он попытается сбежать, то случайно может попасть под горячую руку. К тому же... а это случайно не та самая демоница, за которой, он, собственно, и пришел?

Всадник, прижимая руку к все еще ноющей спине, запачкал пальцы кровью, что пропитала черное одеяние, расплывшись темным пятном. Он не оправдывался, опустил взгляд на землю, в светло-карих глазах не было эмоций, лишь рука, сжимавшая короткий кинжал, слегка напряглась. Набросившихся на него бабочек он один за другим рассекал светом клинка, черно-золотистый порошок сыпался на синий камень, словно растолчённый уголь.

— Отвечай, когда я с тобой говорю! - кричала женщина, снова выпустив рой бабочек, но на этот раз направив их в сторону Янь Шэнли. Похоже, она причислила этого все время прятавшегося «наблюдателя» к сообщникам. Янь Шэнли в испуге нырнул под прилавок лапшичной, опрокинул бутылку уксуса, поставленную продавцом «для удобства», раздался звон, и кислый запах тут же распространился вокруг, на время отогнав насекомых.

Всадник наконец заговорил, его голос был низким, с легкой хрипотой от только полученной травмы:

— Я не обещал, что вытащу его.

Эти слова окончательно разожгли гнев женщины. Черная энергия в ее ладони вновь сконцентрировалась, края лепестков дурмана отливали синевой — она собиралась нанести смертельный удар. Янь Шэнли, сжавшись за прилавком лапшичной, глядел на напряжённую ситуацию перед собой, но таинственный человек, похоже, не боялся смерти, раз даже не сдвинулся ни на цунь!

— Если убьешь меня, - он вновь сплюнул сгусток крови, который подступил к горлу из-за хлынувшей темной энергии, что ударила по меридианам, взволновав ци, — кто знает, что сделают с мальчишкой эти выродки из Ляофэн.

Четко сказанные слова, кажется, достигли госпожу в красном. Молодой человек поднял руку, одним движением стирая кровь, выступившую в уголке рта, но его взгляд оставался прикован к постепенно искажающемуся воздуху за женщиной. Янь Шэнли искренне не понимал происходящего, выглядывая из своего укрытия. Его взгляд беспокойно скользил то по таинственному человеку, то по красивой даме, чьи темные волосы ниспадали на острые хрупкие плечи. Прилавок, из-за которого парень выглядел, вдруг вздрогнул, слегка искажаясь, как голограмма.

Происходящее не сулило ничего хорошего.

Шум рынка рассеивался на глазах, эхо медных колокольчиков застыло в воздухе, но синие каменные плиты уже начали трескаться, обнажая черную пустоту.

Увидев, что буквально земля уходит из-под ног, Янь Шэнли мертвой хваткой вцепился в ножку прилавка, боясь провалиться в черную бездну.

Какая опасная ситуация!

Золотисто-черные бабочки внезапно заволновались, частота взмахов их крыльев стала почти неразличимой. И пока мир, напоминающий стекло, покрывался трещинами, женщина не двигалась с места. Она смотрела на раненого, но гордого человека перед собой, непроизвольно подмечая его внутреннюю стойкость.

— Сюэ Ичжэню нужен А-Хун лишь чтобы использовать его духовные каналы и разрушить пустотный барьер, как когда-то это попытался сделать Юнь Цзиньхэ! - ее нежный голосок окончательно сорвался на истеричный визг, и в прежде ледяном тоне послышалось отчаяние. Алый шелк ее подола затрепетал, даже золотисто-черные бабочки вокруг взволновались так сильно, что, казалось, они вот-вот вырвутся из-под ее духовного контроля. — Ты же заранее знал о замыслах секты Ляофэн! Почему не пришел раньше? Почему появился только после того, как они убили моего мужа с ребенком и похитили А-Хуна?!

— Если бы я появился раньше, - тихо усмехнулся всадник, в смехе сквозила доля самоиронии, короткий кинжал слегка дрожал в руках, то ли от напряжения, то ли тело так реагировало на полученную рану, — боюсь, ты бы сразу приняла меня за последователя секты Ляофэн. К тому же... Я три месяца был в западне. Сюэ Ичжэнь намеренно распустил ложный слух, что мальчишку спрятали в заброшенном храме в западных землях. Когда я добрался туда, то понял, что это была ловушка.

Услышав знакомое имя из-за прилавка, Янь Шэнли нахмурился, а затем его глаза раскрылись так широко, что еще немного, и они выпали бы!

Сюэ Ичжэнь... Сюэ Ичжэнь... Сюэ Ичжэнь...

Имя крутилось в голове навязчивым эхом, пока сознание не пронзила леденящая догадка. Стоп! Разве это не тот несчастный второстепенный персонаж, что чуть позже в книге был разделан под орех Вэн Лицзянем? Тот самый преданный пес, лишившийся по милости хозяина и языка, и всех четырех конечностей? В книге говорилось, что он связался с Вэн Лицзянем лишь после того, как «Совет Девяти Земель» бросил его в темницу. Но сейчас, судя по словам этой женщины, точнее... демоницы, он оказался последователем учения секты Ляофэн? И похитил мальчика?

Голова Янь Шэнли гудела, перед глазами невольно возникло описание той темницы из книги – зловещие катакомбы находились под горным хребтом Цэньлянь, где располагался Бэйшу. Место это носило поэтичное, но одновременно с тем и пугающее название: «Темница Забвенных Лунных Душ». Это был самый настоящий лабиринт, высеченный прямо в горной породе и насыщаемый светлой духовной энергией. Каждая камера, размером с шаг, была отгорожена стенами из черного оникса. Свет туда никогда не проникал, поэтому царил там сплошной мрак, в котором даже собственной руки не было видно. Стены, покрытые острыми шипами, и неровный, как бритва, пол не оставлял узнику и шанса на отдых, не то, что сесть – даже стоять приходилось с осторожностью. Малейшее движение влекло за собой новые порезы, а камень, жадно впитывая кровь, питался жизненной силой пленника, лишь усиливая свое гнетущее воздействие.

А венчал это творение «Кристалл Памяти», встроенный в потолок. Голубой минерал с синими прожилками зажигался каждые полчаса, проецируя на стены сцены жестоких смертей: то растерзанные демонами дети, то дети, разрывающие других детей, то останки павших в боях демонов. Узник был обречен безостановочно впитывать эти образы, а с ними – целый шквал отчаяния, вины и ужаса, который кристалл ему передавал. И так до полного психологического распада, пока заключенный окончательно не сошел с ума.

Сюэ Ичжэнь был тем, кто провёл в таком месте немало времени. Должно быть, он тогда уже почти не имел сил даже умереть. В романе упоминалось, что «Совет Девяти Земель» схватил его как пособника Юнь Бяньхэ, возглавляющего в мире демонов военную фракцию Цзюэюньци. Конечно же, о каком суде могла в таком случае идти речь? Его просто бросили в камеру на самом нижнем уровне. Но теперь выходит, что еще до этих событий он уже был в Ляофэн...

И чем больше Янь Шэнли размышлял, тем отчетливее чувствовал пробегающий по позвоночнику холодок, бессознательно потирая руку. Он словно мог представить Сюэ Ичжэня в той камере из оникса: все тело в ранах, кровь на стенах, при контакте с ониксом поднимался ядовитый пар, из-за которого даже раны не могли нормально зажить, а когда зажигались Кристаллы Памяти, он мог лишь смотреть на все те ужасные сцены... Неужели тогда он уже начал ненавидеть этот мир? В книге не написали, чем он занимался до тюрьмы, но теперь выходило, что он был видным деятелем учения секты Ляофэн. Янь Шэнли усмехнулся. Неудивительно, что позже он столь фанатично предался Дражайшему Злодею. Учение секты и так верило в спасение через «Птицу, Сжигающую Миры», желая смешать три мира в одном котле. Должно быть, Сюэ Ичжэнь и в учении был грозной фигурой, иначе зачем бы его послали за А-Хуном? С другой же стороны, Янь Шэнли совсем не знал этого мальчишку и мог лишь строить выводы, исходя из услышанных слов от демоницы. Поэтому, кто такой А-Хун на самом деле, он даже представить не мог. Вообще... имечко уж сильно было похоже на Сяо Хуна, с

которым Янь Шэнли столкнулся временем ранее, но это, правда, маловероятно.

Янь Шэнли ясно помнил ту судьбоносную встречу двух обреченных. Тогда Вэн Лицзянь был еще совсем молод, его только что схватил Совет, побитый, как уличная шавка, он так же был брошен в камеру, но пробыл там совершенно недолго. Благодаря своей врожденной (кто бы сомневался) смекалке и наблюдательности он быстро нашел уязвимость в системе безопасности Темницы Забвенных Лунных Душ, и сбежал, прихватив с собой своего будущего помощника из камеры по соседству. Сюэ Ичжэнь в то время еще не полностью подчинился, лишь после того, как Вэн Лицзянь во второй раз спас его шкуру от верной смерти, только тогда он начал следовать за Дражайшим Злодеем.

Но все же... как же так вышло, что Сюэ Ичжэня вместо обвинения в связях с сектой Ляофэн обвинили в связях с военной фракцией?.. Неужели в книге что-то упустили? Или же с его прибытием сюжет уже безнадежно исказился? Но Янь Шэнли так и не успел сделать ничего значимого, особенно того, что бы повлияло на этого второстепенного персонажа.

Янь Шэнли вновь вспомнил описанное в книге отношение Сюэ Ичжэня к Вэн Лицзяню. То был не страх, нет... скорее почти фанатичное поклонение. Сюэ Ичжэнь, словно избитый волк, учуял в Вэн Лицзяне родственную душу – ту самую безжалостную решимость, что позволяла сквозь стиснутые зубы источать убийственную ауру, как бы его ни топтали. Даже во взгляде Дражайшего Злодея еще с юности сквозил холод, свирепость и жестокость. Что такое темница Совета? Это место, способное переломать все косточки и сделать из живых самых настоящих ходячих мертвецов без воли и желаний, но Вэн Лицзянь умудрялся жить там буйнее всех, да еще и мимоходом спасти избитого и измученного до полусмерти Сюэ Ичжэня.

И что это было для Сюэ Ичжэня? Не спасение, а подаренная возможность вылезти из грязи.

Слабые всегда подчиняются сильным, и даже если Сюэ Ичжэнь себя слабым не считал, он, тем не менее, признавал Дражайшего Злодея той самой вершиной, перед которой не стыдно было склонить колени. Когда Вэн Лицзяню надоедали документы, он мог ночами переписывать их, не издавая ни звука, даже если стирал пальцы в кровь; когда Вэн Лицзяню требовалось разобраться с предателями, он хватал меч и шел, возвращаясь с забрызганным лицом чужой кровью, и с улыбкой спрашивал: «Владыка, вы довольны?»; даже «зачистку рядов», за которую Вэн Лицзянь брезговал братья, он выполнял без колебаний. Когда последователи трёх фракций дрались за территорию до крови, он брал на себя всю ругань, чтобы их усмирить. И выполнял все чертовски безупречно. Без единой жалобы. Если Вэн Лицзянь мимоходом замечал: «чай остыл», – он падал на колени и просил прощения. Тогда этот второстепенный персонаж представлялся ему трагической фигурой. Янь Шэнли лишь качал головой и только искренне жалел несчастного, пережившего столько страданий и окончательно слетевшего с катушек. Жертва жестокой судьбы, чей путь начался с пленения Советом и окончился в Бездне Греха².

²Из 5 главы: У него была «бездна греха» – небольшой металлический горшок, куда он отправлял души своих жертв. Они оказывались в металлической клетке, связанные с ней так же, как был связан джинн со своей лампой. Только, в отличие от второго, несчастные не могли из нее выбраться: наоборот, медленно угасали в «небытие», окончательно и бесповоротно растворяясь в ничто..

Для него Вэнь Лицзянь был не господином, а божеством, что спас его из моря страданий.

И... даже когда тому позже отрубили конечности, и он лежал на земле, служа «человеческим стулом», каждый раз, когда он смотрел на Вэн Лицзяня, его взгляд все равно сиял. Янь Шэнли уставился в одну точку, и ему словно виделись картины многих лет спустя: Сюэ Ичжэнь лежит на земле, с отрезанным языком, не может говорить и лишь взглядом умоляет о внимании Вэн Лицзяня, а тот, смеясь, наступает на него ногой и разговаривает с другими. Вспомнит ли тогда Сюэ Ичжэнь себя прошлого? Вспомнит ли те дни, когда еще мог держать меч и «выполнять поручения» для Вэн Лицзяня? Будет ли жалеть?

— Когда же я конец выбрался, то понял, что опоздал, – всадник вдруг повернул голову, взгляд скользнул по сжавшемуся за прилавком Янь Шэнли. — Кроме того, по пути я сделал остановку, чтобы купить баоцзы, и местные болтуны поведали мне новость: оказывается, Бэйшу наконец соизволили заняться селением Шуй, все это время не дававшим всем ближайшим мелким городам нормальной жизни. Поэтому мне приходилось еще следить за этими «нежданными гостями», чтобы они не спутали все карты.

Сердце ёкнуло. Этот нахал явно использовал его как щит! Янь Шэнли, пригнувшись к самой земле, почти полностью скрывшись среди разрухи, пополз прочь на четвереньках. Надо было бежать, пока иллюзия не рассеялась окончательно. Авось его перебросит куда подальше от всех этих напастей, и уже там он придумает, как действовать дальше. Но увы – его планам не суждено было сбыться. Прилавок, под которым он прятался, вдруг растаял в воздухе, лишив его надёжного укрытия. Теперь на него смотрели две пары глаз.

«Что же делать?!»

Он стремительно вскочил с земли, натянул на лицо беззаботную улыбку и попятился.

— Я т-тут совершенно ни при чём, даже не думайте! – голос Янь Шэнли предательски дрожал, а пальцы нервно тербели потрёпанный край рукава. Взгляд его невольно скользнул к разрушающемуся иллюзорному миру за спиной.

И тут в глубоком кармане его рукава дрогнул артефакт, услужливо данный Ши Мэнъяо, будто безмолвно напоминая цель его прибытия сюда.

Прекрасная госпожа холодно окинула его взглядом. Свирепость в её глазах не угасла, разве что слегка потускнела, а черно-золотые бабочки на плечах тревожно взмахнули крыльями.

— Ни при чём? – ледяным тоном переспросила она. — Тогда зачем прятался? И почему только что, когда последователи Ляофэн бросали отравленные иглы, ты среагировал быстрее всех? Словно заранее знал их приёмы!

Какая внимательная демонесса!

Янь Шэнли поспешно замахал руками:

— Благородная госпожа, я просто прохожий! Чистейшее совпадение! Я прятался тут, потому что боялся попасть под раздачу во время вашей драки, честно! – умасливающим тоном попытался парировать все обвинения, сам в это время украдкой отступая на полшага.

И вдруг под ногой раздался хруст. Каменная плита полностью раскололась и рухнула в темноту внизу без единого эха. Кажется, сердце Янь Шэнли тоже провалилось куда-то туда. Он замер в нелепой позе, одна нога все еще стояла на твердой поверхности, в то время как другая уже повисла над пустотой, носком беспомощно упираясь в самый край уцелевшей плитки перед обрывом.

Всадник вдруг тихо рассмеялся:

— Госпожа Лю, не пугайте его, – однако его смех быстро прервал усталый вздох: — Но все же... объясни, как, в таком случае, «прохожий» здесь оказался? Сюда обычный прохожий попасть не может. К тому же я видел тебя рядом с выходцами из Бэйшу.

Его взгляд скользнул по Янь Шэнли, задержался на его бледном лице, и вдруг брови всадника изумленно приподнялись:

— Постой... Так это ты... это же ты тогда меня надурил!

Янь Шэнли аж подавился собственной слюной. Горло разрывал судорожный кашель, и он, согнувшись пополам, ругался в сердцах:

«Какого черта? Какой еще «надурил»? Я в этом мире всего пять минут, когда я успел?!»

Человек в черном смотрел на его жалкое состояние, и удивление в его глазах постепенно рассеялось, уступив место плохо скрываемому раздражению.

— Что? Не узнал меня? Вспоминай! В чайной у подножия горы Миньшань несколько лет назад ты отобрал у меня тарелку османтусовых пирожных, сказав: «Братец, ты выглядишь знакомым, угости меня, в следующий раз я тебе верну втрое». А когда я в следующий раз пришел в чайную, тебя и след простыл!

Янь Шэнли хоть и натянул на лицо свою фирменную дружелюбную улыбочку, в душе же просто волосы на голове рвал.

«Какой кошмар! Ничего не помню! Почему, как назло, в самый нужный момент воспоминания прошлого хозяина тела решают подвести именно сейчас, когда они так нужны?!»

Он открыл рот, но долго не мог вымолвить ни слова, и, в конце концов, неуверенно захихикал:

— Ха... ха-ха, это ты! Я недавно головой ударился, многое не помню! Господин, простите за то, что не узнал вас раньше!

А сам же неистово возмущался:

«Люй Сюин, лис, да как тебе не стыдно! Отобрал у человека пирожные и сбежал?!»

— Ударился головой? Меня не волнует это. Возвращай мне мои деньги!

Голос этого человека был негромок, но подобен камню, брошенному в спокойную воду. Он ткнул испачканным в собственной крови пальцем в сторону растерявшегося «гостя». Только в янтарных глазах напротив было одно лишь упрямство и усталость, словно говорящее: «Этому ужасному дню все нет конца!».

Янь Шэнли разинул рот и несколько секунд не мог прийти в себя, прежде чем, запинаясь, выдать:

— К-какие д-деньги?! У меня их просто нет!

Внутренне он уже проклинал предыдущего владельца тела на чем свет стоит. У них не было ничего за душой! Оригинальный владелец не то, что ничего ему не оставил, так еще и сбежал, а теперь заставил его возвращать долг за пирожные, которые Янь Шэнли даже не ел! Это была самая настоящая незаслуженная беда! Пока Янь Шэнли разрывался, он все же украдкой изучал выражение лица человека в черном, и увидев, что тот хмурился все суровее, поспешил добавить:

— Честно! Сейчас у меня ни гроша, и ничего ценного тоже нет, вот, смотрите!

Он потянулся было к карманам, но тут же вспомнил, что вообще-то ценное все же есть - артефакт. Рука беспомощно замерла в воздухе.

Но всадник не купился на уловку.

— Я требую вернуть долг за тот выпитый чай и за ту тарелку пирожных. Все разом!

— И... и из-за такой мелочи вы помнили столько лет? - глаза Янь Шэнли округлились от изумления. Он никак не ожидал, что этот человек окажется таким злопамятным. Всего одна тарелка пирожных и чайник чая. Неужели это стоит того, чтобы помнить все эти годы и теперь предъявить счет?

Человек в черном усмехнулся:

— Мелочи? Тогда ты сказал: «В следующий раз верну втрое». Я ждал тебя много дней, а хозяин чайной, видя, что я прихожу сюда каждый вечер, раз десять спрашивал меня: «Когда тот почтенный господин, что съел твои пирожные, придет?»

Янь Шэнли почувствовал, как у него закружилась голова, а необъяснимый стыд зажег щеки, пока всадник все не останавливался, только усугубляя состояние Шэнли. Тот даже двинулся в его сторону, словно ледокол, готовый протаранить несчастного.

— Ты съел у меня столько всего! Османтусовые пирожные да еще две упаковки миндального печенья, что ты прихватил потом, и целый кусок финикового пирога! Вместе это стоило как полмесяца расходов обычной семьи, и ты хочешь увернуться?

«Этот бессовестный тип что, принял чайный павильон за собственный амбар? Это же еще столько съесть надо постараться!»

Тогда понятно, почему этот человек столько лет таил обиду – кто угодно будет злиться до сих пор! Это было сравнимо с тем, как если бы его обобрали до нитки.

Янь Шэнли нечего было возразить. Он мог лишь беспомощно почесать затылок и неуверенно ответить:

— Да не то, чтобы я не хотел отдавать! Вы посмотрите на меня, разве я похож на того, у кого есть деньги? Сейчас я сам себя еле кормлю, где мне взять деньги на пирожные! – он указал на свою дырявую и замызганную одежду.

Пока язык произносил оправдания, ум пытался найти выход. Любая работа была бы решением, но разве сейчас он не пленник «Бэйшу»? Хотя... Люй Сюин был выходцем из ордена. Должны же где-то остаться его припрятанные деньги? Может, по возвращении незаметно обыскать его комнату?

— Я ведь... я ведь еще головой ударился! Как насчет... Как насчет того, чтобы я вернул долг, когда заработаю? Обещаю, в этот раз не сбегу!

— Довольно!

Властный голос госпожи Лю прозвучал неожиданно, заставив спорщиков мгновенно умолкнуть. Золотисто-черный рой из бабочек, взмахивая своими крылышками, со скоростью света оказался около Янь Шэнли и человека в черном, разделяя их, словно текучий барьер. Ветер от взмахов крыльев поднял с земли пыль, добавив несколько новых тонких трещин на и без того растрескавшейся почве иллюзорного мира. Красный подол госпожи слегка колыхался, глаза-фениксы скользнули по спорящим, а острота во взгляде вдруг подавила прежнее

беспокойство:

— А-Хун все еще в руках Ляофэн, это пространство в любой момент исчезнет, а у вас нашлось свободное время пререкаться из-за тарелки сладостей и полчайника чая?

Человек в черном не то, чтобы был скуп... Нет, он просто на дух не переносил, когда его пытались провести, словно последнего простака. Рука всадника, сжимающего кинжал, дрогнула, он прищурился, окинув наглое лицо мерзавца, и ответил:

— Я просто требую назад то, что по праву должно принадлежать мне.

Само собой, эти слова не то, что не успокоили госпожу, а наоборот вызвали еще больше раздражения:

— Когда спасешь А-Хуна, хочешь - заставь его компенсировать десять, хочешь - сто тарелок сладостей, как пожелаешь, - она смахнула темную прядь волос с щеки. Её взгляд обратился к Янь Шэнли, тон смягчился по непонятной для парня причине, но человек в черном знал, что это перемена не предвещает ничего хорошего. — Но сейчас стоит прояснить: кто ты такой и как сюда попал?

Янь Шэнли попытался что-то проблеять, но язык его не слушался, рождая лишь тихий, бессвязный лепет. Нужно было срочно найти оправдание, чтобы не усугублять и без того щекотливое положение. Он поднял взгляд на женщину и, мобилизовав всё своё обаяние, выпрямился во весь рост. Его губы расплылись в улыбке, от которой глаза почти исчезли, оставив две лукавые щёлочки, а сам рот, казалось, вот-вот дотянется до ушей. С напускной уверенностью он изрёк:

— Прекрасная госпожа, уверяю вас, я всего лишь случайный путник. Я проходил мимо, как вдруг меня против воли затянуло в этот мир! Я не смел и помыслами тревожить ваш покой, пока не оказался на площади и не стал невольным свидетелем произошедшего.

Но даже ему самому эти слова казались пустыми.

А что ему еще оставалось? Заявить: «Поздравляю, вас почтил спаситель из другого мира! Я выиграл счастливый билет, меня засосало в эту книгу, дабы я, ни много ни мало, спас миллионы жизней!»

Или, того лучше, выпалить напрямую:

«Я явился по вашу душеньку, госпожа демонесса».

Подобные «объяснения» звучали бы так нелепо, что от них тут же повеяло бы дурдомом, так еще после этого он бы точно превратился в покойника!

Не успели последние слова покинуть его уста, как окружающая тьма сгустилась. Едва различимые прежде очертания базара окончательно рассеялись, и даже эхо его собственного голоса было поглощено без возможности сопротивления.

Хоть глаз выколи, ни черта не видно.

Янь Шэнли моргнул, его сухие глазные яблоки тщетно искали проблеск света. Он впустую водил глазами по этой сплошной черноте, пока в уголках глаз не выступила едкая влага. Эта тьма была слишком тяжелой, тяжелой настолько, что, казалось, высасывала саму душу. Даже зажмурившись, не было бы так темно! Янь Шэнли отчетливо различал в воздухе холодный цветочный аромат, исходящий от госпожи Лю, ее алое платье было единственным неестественным ярким пятном, и еще чувствовался легкий запах крови от Всадника, почти сросшегося со мраком. И, вроде бы, эти два запаха и фигуры должны были стать единственными «ориентирами» во тьме, но от этого становилось лишь душнее.

— Какая наглая ложь!

Голос госпожи Лю внезапно раздался прямо над самым ухом. Не дав Янь Шэнли опомниться, алая лента, словно проворная змея, метнулась вперед и с хлопком обвила его запястье. Шелк ленты был пронизывающе холодным и источал странную силу, сдавливая кости до хруста. Если все продолжится в таком же духе, его худая рука треснет, подобно сухой ветке.

Янь Шэнли рванулся, запрокинул корпус назад и беспомощно уперся пятками в пустоту:

— Что вы делаете?! Отпустите!

Алая лента резко натянулась, дернув его так, что он едва не врезался в грудь демоницы. Его дыхание перехватило, а лицо стремительно покраснело от смеси стыда и паники. Он отчаянно попытался отклониться, хотя бы отвернуться, чтобы не уткнуться в нее прямо носом, но лента лишь туже сжала его запястье. Но никто и не думал позволять Янь Шэнли почувствовать мягкость этих персиков. В следующее мгновение пальцы госпожи Лю с силой нажали на точку между его бровей - именно там, где ранее оставил своей след Сяо Хун!

— Гул... - прошептала она заклинание одними губами.

По мозгу Янь Шэнли будто бы ударили тяжелым молотом. Паника мгновенно сковала все четыре конечности, а грудь и живот словно сдавило. Сердце бешено колотилось в груди, и он даже забыл, как сделать вдох. Лицо стало блее полотна. Обжигающая сила, сродни кипящей смоле, хлынула по меридианам к конечностям, пролезая даже в духовные каналы. Что-то силилось ворваться в его сознание.

Они что, все пользуются одними и теми же приёмами, чтобы добыть информацию?! Где же была фантазия автора, когда он прописывал этим персонажам техники?

Янь Шэнли попытался отвернуться, даже увернуться, но алая лента непоколебимо сковывала запястья. Стоп... Уже запястья?! Когда она только успела! Оставалось лишь бессильно наблюдать, как в зрачках госпожи Лю то разгорается, то угасает амарантовый свет. Этот мерцающий ритм гипнотизировал, и с каждым новым всполохом в глубине женского взора Янь Шэнли ощущал, как собственная воля растворяется в навязчивом темпе этого таинственного свечения.

Вместе с тем, самая настоящая ярость с каждой секундой нарастала в глазах демоницы.

Но вдруг госпожа Лю, словно обжегшись, резко отдернула руку. Она, пошатываясь, отступила на полшага, её алое платье прочертило в темноте огненную черту, а на кончиках пальцев остались следы черного дыма.

Остаточная энергия... уникальная для секты Ляофэн!

— Между твоих бровей печать Ляофэн! Это клеймо, которое они ставят своим лазутчикам для внедрения и передачи сообщений! И ты еще смеешь утверждать, что оказался здесь случайно?!

<http://bllate.org/book/17378/1629818>